

Издания, помеченные штампами «Карельская областная центральная библиотека» и «Карельская публичная библиотека», можно считать ядром нынешней Национальной библиотеки. Его составляют книги по истории, естествознанию, техническим наукам. Очень важно, что многие из них – книжные памятники, напечатанные до 1830 года.

Исследуя пометы на книгах, мы выяснили, что поступили издания не только из общественных библиотек, но и из частных коллекций. Так, на ряде книг находим владельческую надпись: «Из книг А. П. Воронова». Вероятно, книги принадлежали известнейшему олонецкому краеведу Андрею Петровичу Воронову. После его смерти в 1912 году его архив, и, возможно, библиотека перешли Обществу изучения Олонецкой губернии, от которого поступили в Карельскую областную библиотеку.

К сожалению, только на одной книге есть надпись «К. Филимонов». Известно, что Козьма Филимонович Филимонов, основатель краеведческого отдела нашей библиотеки, внес в ее фонды свыше двухсот экземпляров своей личной библиотеки. Фонды Карельской областной центральной библиотеки разделили вполне трагическую судьбу своей страны: дважды им был нанесен тяжелейший урон: на рубеже 20–30-х годов все книги, изданные до 1928 года, были свалены в одну кучу в книгохранилище, «как устарелые», «к ней был организован свободный доступ различным организациям и учреждениям, в результате чего несколько десятков вузов книг было вывезено. Таким образом, библиотека лишилась богатейшей коллекции книг XVIII века и рукописей» (Молодьков).

В годы Великой Отечественной войны многие из оставшихся изданий погибли во время эвакуации библиотеки и под развалинами разрушившихся зданий.

Таким образом, можно предположить, что и книги из личной библиотеки Козьмы Филимонова, положившие начало краеведческой коллекции нашей библиотеки, погибли в этих катастрофах.

Библиотечные пометы позволяют проследить и другие печальные эпизоды истории страны, соответственно, и книг: так, на ряде экземпляров находим сигнум СПХ или СПФ – т. е. спецхран или спецфонд. Почти в каждом случае нетрудно определить, почему была «репрессирована» книга: например, в сборнике «Октябрь в литературе и искусстве» 1927 года издания, судя по библиотечным штампам, изначально принадлежавшим нашей библиотеке, помещены портреты В. Э. Мейерхольда и М. Чехова. Книга разделила печальную судьбу своих героев.

Изучение библиотечных штампов и других владельческих помет на книгах позволяет таким образом проследить историю их бытования и доказать изначальную принадлежность нашей библиотеке.

Кутькова Елена Николаевна,
ведущий библиограф отдела редких книг
Национальной библиотеки Республики Карелия

Об одной дарственной надписи (из фонда отдела редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия)

В фонде отдела редких книг НБ РК хранится прижизненное издание комедий одного из крупнейших писателей русского серебряного века Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936). Книга выпущена петербургским издательством «Оры» в 1908 г.

На шмуртитуле «Комедий» читается авторская дарственная надпись 1912 г.: «Многоуважаемой Марье Петровне Князевой благодарный за ея сердечное отношение М. Кузмин». За этой на первый взгляд стандартной и неяркой формулой выражения признательности стоит трагический эпизод из жизни петербургского литературно-художественного круга 1910-х гг., получивший в свое время широкую огласку и скандализировавший столичное общество.

Дарственная обращена к матери Всеволода Гавриловича Князева (1891–1913), начинаявшего поэта, вольноопределенного 16-го гусарского полка. Полк В. Г. Князева был расквартирован в Риге, однако молодой человек часто наезжал в Петербург, где был принят в литературно-художественных кругах и влюбился в знаменитую Палладу – одну из первых петербургских красавиц того времени, «роковую женщину», поэтессу и хозяйку литературного салона Палладу Олимповну Богданову-Бельскую (1885–1968). Благодаря ее посредничеству, 2 мая 1910 г. со Всеволодом Князевым познакомился М. А. Кузмин, который, в свою очередь,

страстно влюбился в молодого гусара (дата их встречи зафиксирована в дневнике Кузмина). О том, какое сильное впечатление произвел на известного литератора Князев, можно судить по единственной записи в составленном Кузмой позднее – уже в 1920-х гг. – хронологическом списке собственных произведений: под 1910 годом в разделе «Стихи» следует всего одна запись – «Стихи Князеву».

Своеобразие этого довольно протяженного романа, тянувшегося с мая 1910 г. по сентябрь 1912 г., заключается в его, если можно так выразиться, «литературности»: оба поэта все это время пишут взаимоадресованные стихотворения, по которым можно проследить не только перипетии их отношений, но и эволюцию образа Князева в обращенных к нему стихотворениях Кузмина (лирика самого Всеволода Князева была издана уже после смерти поэта его отцом, литературоведом Гавриилом Михайловичем Князевым¹; это единственное отдельное издание 1914 г. стихотворений Князева нами специально не рассматривалось).

Во второй книге стихов Кузмина «Осенние озера» Князеву посвящены два цикла первой части – «Осеннний май», датированный июнем–августом 1910 г., и «Весенний возврат», датированный мартом–маем 1911 г., а также вся третья часть (стихи, ее составляющие, были написаны Кузмой ранее, но в первом издании «Осенних озер» 1912 г. третья часть вышла с посвящением Князеву). Кроме того, в этом первом издании сама книга стихов «Осенние озера» открывается кратким стихотворным «Посвящением»: «Сердце, любившее вдоволь, водило мою рукою, // Имя же я утаю: сердце – ревниво мое». Комментаторы Кузмина полагают, что безымянным адресатом книги был все тот же Всеволод Князев. В ряде стихотворений, входящих в «Осенние озера», образ Князева максимально возвышен, юноша предстает перед глазами влюбленного в него поэта в виде посланца небес, ангельского воина (характерные эпитеты: «вестник меченосный», «Гость появился чудесный, // Лат не снимая»).

В посвященных Князеву стихах третьего лирического сборника Кузмина «Глиняные голубки», написанных летом и осенью 1912 г., заметно меняется тон стихотворения, сам настрой его лирического героя: это уже не религиозный экстаз, отношения между героями становятся более интимными. В стихах этой книги мы найдем множество примет реальной жизни, конкретного адресата («Ты ходишь в куртке зеленой...»), нередко обыгрывается в стихах как Кузмина, так и самого Князева «твой "зеленый доломан"» (т. е. гусарский мундир, форма Иркутского полка, в котором служил Князев; один лирический цикл, полностью не вошедший в прижизненные сборники Кузмина, так и назывался «Зеленый доломан»); в стихотворении «Счастливый сон ли сладко снится...» описывается поездка Кузмина в начале сентября 1912 г. к любовнику в Ригу и т. д.). Некоторые любовные стихотворения «Глиняных голубок» производили на современников впечатление слишком откровенных в своем эротизме (и в первую очередь «Девять родинок прелестных...»).

В то же время в стихах обоих поэтов начинают появляться популярные образы итальянской комедии масок, модные в литературе предвоенных сезонов: романтизированную «маску» доверчивого, наивного и обманутого влюбленного Пьера «примеряет» на себя Князев (ср. в его стихотворении «Сонет»: «Пьера, Пьера, – счастливый, но Пьера я! // И навсегда я быть им осужден...») и в «ответном» стихотворении Кузмина «В грустном и бледном гриме // Играет слепой Пьера», а роль зловещего персонажа, коварного интригана и разлучника Арлекина, очевидно, была уготована Кузмину². Третьим, недостающим персонажем классического «любовного треугольника» в комедии масок была «маска» Коломбины – ветреной красавицы, изменяющей Пьера (чаще всего с Арлекином).

И Коломбина не замедлила появиться: летом 1912 г. Всеволод Князев знакомится с одной из самых замечательных и артистичных женщин своего времени, драматической актрисой, певицей и танцовщицей Ольгой Афанасьевной Глебовой-Судейкиной (1885–1945), женой художника Сергея Юрьевича Судейкина, и влюбляется в нее. Кузмин же с актрисой был знаком давно, и Ольга Афанасьевна уже стала невольной причиной одной жестокой любовной драмы поэта: в декабре 1906 г. страстно любимый Кузмой Сергей Судейкин неожиданно присыпает ему письмо с известием о своей скорой женитьбе на Ольге Глебовой.

Тем не менее, Кузмин пытается сохранить и по возможности спасти свои отношения с Князевым и в сентябре 1912 г. перед самым разрывом даже пишет посвященный ему цикл «Би-

¹ Князев В. Стихи. Посмертное изд. Спб.: Тип. Имп. СПб. театров, 1914.

² Богомолов Н. А., Малмстад Д. Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М.: Нов. лит. обозрение, 1996. С. 177.

серные кошельки», предназначавшийся для декламации О. А. Глебовой-Судейкиной (чтение этого цикла впоследствии вошло в ее постоянный репертуар и стало одним из любимых ее концертных номеров). Героиня «Бисерных кошельков» занимается вышиванием и, вспоминая о своем возлюбленном – «корнете», готовит ему подарок: «...Одна я нижу бисер на свободе: // Малиновый, зеленый, желтый цвет – // Твои цвета. Увидишь ли привет?». Комментаторы Кузмина называют эти три цвета «цветами Князева»¹ (очевидно, имея в виду цвета военной формы гусарского полка, в котором служил Князев). Полоской этих же цветов впоследствии была украшена обложка посмертного сборника его стихов. В строках «Бисерных кошельков» «Ждала дружка издалека, // Да не дошила кошелька. // Погиб дружок в дороге дальней...» современники после трагической гибели Князева увидели ее мрачное пророчество.

Несмотря на все усилия Кузмина, отношения поэтов во время сентябрьской поездки 1912 г. Михаила Алексеевича к Князеву в Ригу закончились крупной ссорой, о причинах которой мы не знаем ничего достоверного. Очевидно, что они расстались, так как в следующий раз «Князев появляется на страницах дневника [Кузмина. – Е. К.] только в конце года, в обществе Судейкиной в «Бродячей собаке», дразнящей и раздражающей Кузмина, но не вызывающей уже никаких чувств, кроме отвращения»².

Между тем роман Князева и О. А. Глебовой-Судейкиной быстро двигался к своему трагическому финалу. 29 марта 1913 г. в Риге молодой человек выстрелил себе в грудь из браунинга и 5 апреля умер в городской больнице. Независимо от истинных причин этой трагедии, о которых остается лишь строить догадки, и родители погибшего, и его многочисленные знакомые, по всей видимости, единодушно приписали это самоубийство бессердечному кокетству Ольги Афанасьевны: на похоронах (хоронили Князева 8 апреля на Смоленском кладбище в Петербурге) «мать гусара, Мария Петровна Князева, сказала, глядя Ольге Судейкиной прямо в глаза: “Бог накажет тех, кто заставил его страдать”»³. Хорошо знавшая Ольгу Афанасьевну Анна Андреевна Ахматова не только намекнула на это самоубийство в посвященном О. А. Глебовой-Судейкиной стихотворении «Голос памяти», датированным 1913 г. («Иль того ты видишь у своих колен, // Кто для белой смерти твой покинул плен?»), но и взяла эту нашумевшую историю как примету своего времени – 1913-го года – в качестве основной сюжетной линии более поздней своей «Поэмы без героя» (вариант заглавия – «1913 год, или Поэма без героя»; это произведение известно в нескольких редакциях, работа над ним продолжалась в 1940–1960-е гг.).

Поэма открывается двумя посвящениями – памяти В. Г. Князева и посвящением О. А. Глебовой-Судейкиной, эти же адресаты и явились прототипами главных героев первой части поэмы А. А. Ахматовой – «гусарского корнета со стихами» (как вариант «драгунского поэта со стихами», «драгунского Пьера») и его неверной возлюбленной, актрисы, «Коломбины», на пороге которой юноша застрелился:

«Ты в Россию пришла ниоткуда,
О, мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты – один из моих двойников».

И в finale первой части поэмы:

«Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах,
Он – на твой порог.
Поперек...
Да простит тебе Бог!».

¹ Кузмин М. А. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. 2-е изд., испр. СПб.: Гуманитар. агентство «Академический проект», 2000. С. 729. (Нов. б-ка поэта).

² Богомолов Н. А., Малмстад Д. Э. Указ. соч. С. 178.

³ Тименчик Р. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 120.

Мельком в «Поэме без героя» появляется и М. А. Кузмин:

«<...> Это старый чудит Калиостро –
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она».

Спокойствие и даже равнодушие Кузмина при известии о смерти Князева неприятно поразили не только Ахматову: например, малоизвестный литератор Федор Иванов пишет в своих воспоминаниях: «Читал Кузмин однажды мне свой дневник. Странный. В нем как-то совсем не было людей. А если и сказано, то как-то походя, равнодушно. О любимом некогда человеке: – Сегодня хоронили Н. Буквально три слова. И как ни в чем не бывало – о том, что Т. К. написала роман и он не так уж плох, как это можно было ожидать»¹. Впрочем, по мнению исследователей, «к свидетельствам современников о поразительном и принципиальном имморализме Кузмина мы должны относиться с осторожностью <...>»² хотя бы потому, что дневник изначально предназначался Михаилом Алексеевичем для публичного чтения, причем подборку записей для чтения в том или ином кругу автор оставлял за собой. Естественно, что подобная публичность дневника ставит под сомнение откровенность его автора.

В заключение коротко остановимся на взаимоотношениях М. А. Кузмина с матерью Всеволода Князева, Марией Петровной Князевой (урожденной Шуйской). Сохранилась ее записка к Кузмину от 6 октября 1912 г., т. е. написанная уже после сентябрьской ссоры поэтов: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич, посыпаю Вам по поручению Всеволода Ваши книги. Очень очень жалели мы, что не видели Вас все это время. Может быть, когда и выберете часок посетить нас, порадуете всех...»³. Возможно, что именно к этому времени и относится дарственная Кузмина на нашем экземпляре «Комедий». Очевидно, что и после гибели Всеволода отношения Князевых с Кузмой остаются довольно близкими. Так, например, представляется очень любопытным переданное Михаилом Алексеевичем мнение М. П. Князевой о возможности иностранного разрешения судьбы ее сына: 28 сентября 1922 г. (как полагают биографы Кузмина, в день десятилетней годовщины ссоры поэтов) по поводу случайной встречи с М. П. Князевой в Петроградском доме ученых в дневнике Кузмина появится еще одна запись: «Оклинула меня Князева. Аня постриглась, Кирилл – арестован. Не поссорься Всеволод со мною – не застрелился бы – ее мнение»⁴. Также известны письмо Марии Петровны к Кузмину из монастыря от 27 июля 1929 [1924?] г.⁵ и более поздняя запись в дневнике Кузмина 1934 г., кратко пересказывающая события двадцатилетней давности: [Евгений Александрович Зноско-Боровский, секретарь редакции журнала «Аполлон»] «познакомил меня с Князевым и обиделся <...>, зачем я в того влюбился, а Князев завел роман с Ольгой Судейкиной, рассорился со мной и потом застрелился в Риге. Я мать его до сих пор видаю»⁶.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что трагическая история любви и самоубийства начинающего поэта Всеволода Князева поразительным образом становится для его современников приметой 1913-го года, последнего предвоенного года, и потому ясно запечатлевается в их памяти вопреки не менее поразительной общей уверенности в том, что в скором времени и само имя Князева будет забыто (ср., например, в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой: «И безмерная в том тревога, // Кому жить осталось немного, // Кто лишь смерти просит у Бога // И кто будет навек забыт» или в ностальгическом стихотворении 1920–1930-х гг. Георгия Иванова:

¹ Цит. по изд.: Богомолов Н. А., Малмстад Д. Э. Указ. соч. С. 119.

² Там же.

³ Цит. по изд.: Тименчик Р. Указ. соч. С. 118.

⁴ Цит. по кн.: Безелянский Ю. Вера, Надежда, Любовь...: Женские портреты. М.: Радуга, 1998. С. 378–379.

⁵ См.: Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 1998. С. 247.

⁶ Там же. С. 55.

«Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году –
Лишь призраки на петербургском льду.

Вновь соловьи засвищут в тополях,
И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдет другая дама в соболях,

Другой влюбленный в ментике гусарском...
Но Всеволода Князева они
Не вспомнят в дорогой ему тени»).

Безусловно, что только значительность этой вполне заурядной личной драмы в глазах ее современников, уже *post factum* увидевших в ней одну из последних вех мирной жизни перед надвигающимся катаклизмом Первой мировой войны, а затем Октябрьской революции, спасла от забвения имя молодого поэта Всеволода Гаврииловича Князева. Однако память человеческая недолговечна и далеко не всегда способна пережить свое поколение, бумага оказывается в этом смысле более надежным посредником, и потому наравне с дневниками М. А. Кузмина и черновиками А. А. Ахматовой дарственная на нашей книге служит, наверное, одной из самых благородных целей человечества – связи между поколениями.